

МАТЕРИАЛЫ ПЕТРОВСКОГО ОБЩЕСТВА О РАЗВИТИЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В БУКЕЕВСКОЙ

«edu.e-history.kz» электрондық ғылыми журналы № 3 (23) июль-сентябрь, 2020

Введение. В современных условиях, когда формируется новый подход к делу народного просвещения, открываются учебные заведения нового типа, определенный интерес к которым представляет исследование истоков этого процесса, в особенности пути возникновения начальных и средних учебных заведений, подробное изучение их уставов и программ. Это культурное наследие прошлого в фокусе научного обобщения позволяет выявить те позитивные моменты, которые принесло развитие народного образования в казахский аул, переселенческую деревню и городские центры.

Уже в 20-е гг. XIX в. в Министерстве государственных имуществ неоднократно поднимался вопрос о развитии образования казахского населения. Об этом свидетельствуют ряд архивных документов: «По вопросу об обучении русскому языку и разным наукам детей султанов меньшей киргизской орды» за 1823 г., «По вопросу о мерах по распространению среди киргиз-кайсаков знаний русского языка» от 1827 г.

В начале XIX в. в Астраханском крае были всего два средних учебных заведения, одно уездное малое народное училище и несколько частных школ, о чем сообщалось в протоколах и отчетах Петровского общества исследователей АК на Общих собраниях. Материалы членов общества сообщали, что людям низшего сословия содержать детей в Главном народном училище в течение пяти лет было практически невозможно, в результате чего наибольшую популярность среди населения приобретали частные школы, которые заметно увеличились в количестве. Отметим, что до середины XIX в. число грамотных среди нерусского населения составило около 3%. Основную часть, после коренных русских, составляли казахи, численность которых к концу XIX в. достигала 254 000 человек (Миссионерский сборник, 1910: 145).

Материалы и методы. Методологической основой работы являются общеисторические принципы (историзм, объективность); общенаучные (исследование) и специализированные исторические методы изучения (сравнительно-исторический).

Основную источниковую базу составили материалы, выявленные из ряда фондов архива Астраханской области: Ф. 13 – Астраханское губернское

правление; Ф. 32 – Статистический комитет Астраханской губернии; Ф. 857 – Петровское общество исследователей Астраханского края и другие материалы исследователей жизни и деятельности казахов Букеевской орды дореволюционного периода.

Обсуждение. С середины XIX в. – 1917 г. Внутренняя орда в составе Астраханской губернии и вся ее последующая история связана и с историей развития Астраханского края, и с историей Казахстана. Источники упоминают, что в состав Астраханской губернии с подчинением губернатору Букеевская орда вошла в 1876 г.

Изучая материалы членов Петровского общества, мы убедились в том, что в последние годы XIX в. в Казахстане открывались мектебе, медресе, церковно-приходские школы, православные школы – информация, умалчиваемая в советское время. Ярким свидетельством этому является «Статистический обзор Астраханской губернии за 1903 г.», представленный статистическим комитетом:

Таблица 1.

Название	медресе	мектебе	мальчиков	девочек	всего
1	2	3	4	5	6
Киргизская степь	---	74	1438	212	1650
г. Астрахань	26	96	3550	905	4555

Представленная таблица подтверждается следующими выдержками из отчета статистов: «...В Астрахани, Царевске, а также в уездах Астраханской губернии и в Киргизской степи имеются магометанские школы, под названием медресе и мектебе, где обучаются киргизы под руководством приходских мулл...» (Статистический обзор, 1904: 82).

При классификации и разборе документов астраханского архива мы убедились в том, что историю становления и развития народного образования изучали многие дореволюционные исследователи, такие, как А. В. Алекторов, Н.И. Березин, А.В. Васильев, В.В. Вельяминов-Зернов, Г.Н. Потанин, В.В. Радлов, А.Н. Харузин и многие другие. Особенно интересным и объемным представилось исследование А.Е. Алекторова, который представил огромный фактический материал по истории народного образования края. Однако при изучении данного вопроса надо учитывать, что А.Е. Алекторов был чиновником колониальной администрации и освещал историю народного образования и школьного дела с ее позиции. Поэтому, признавая важность и значительность собранного им статистического материала, к некоторым рассуждениям и выводам автора, в частности, относительно мусульманских учебных заведений, следует подходить с критикой.

Историю развития народного образования в дореволюционный период можно разделить на три этапа, что подтверждается рядом документов при их классификации:

- 1) духовное образование: начало XIX в. – конец 1841 г.;
- 2) школа хана Джангира с 1841 г.;
- 3) светское образование (60-е гг. XX в.).

Источники, извлеченные из архивного фонда и книгохранения библиотеки сообщают, что определенный вклад в систему образования и воспитания казахского народа, внесли мусульманские школы, широко распространенные в тот период на территории Казахстана.

Как правило, царское правительство негативно отнеслось к этим школам. Вот как характеризуются эти учебные заведения в «Миссионерском сборнике о калмыках и киргизах, кочующих в Астраханской губернии»: «...в мектебе не существует правильной группировки учеников по классам, нет определенного периода для прохождения курса. Об умственном развитии ребенка и снабжении его первыми элементарными сведениями магометанская школа не имеет понятия. Поэтому человек, даже долго посещавший ее, в сущности, столько же невежествен, как и неграмотный. Науки ограничены одним схоластическим делом, и эта узкая односторонность не способна дать народу ни одного образованного человека – никого, кроме религиозных казуистов» (Миссионерский сборник, 1910: 295).

Царские чиновники упрекали мусульманские учебные заведения в том, что в них нет своего определенного устава, постоянного источника дохода, а также годового бюджета. Однако в указанных школах царил порядок, регулируемый нравственными нормами Корана. Годового бюджета здесь не наблюдалось, так как царское правительство не выделяло средств на нужды мусульманских учебных заведений.

Из ряда дел, представленных различными учреждениями, мы наблюдаем реальную необходимость в колонизаторском управленческом аппарате квалифицированных чиновников из казахов, которые могли бы стать проводником политики царизма в Казахстане и помогать в управлении казахской степью. С этой целью царское правительство заставило открывать для детей казахской знати русско-казахские школы. Таким образом, мы выясняем и делаем такой вывод, что позже у казахских детей появилась возможность получения светского образования. Со второй половины 70-х гг. XIX – начала XX вв. на территории Казахстана существовали аульные школы, одноклассные и двухклассные русско-казахские училища. И в то же время появление русско-казахских школ было одним из прогрессивных результатов присоединения Казахстана к России. Создание их явилось следствием известной победы самодержавия над мусульманским духовенством.

Источники сообщают, что учебная и просветительская работа в Астраханском крае, в том числе и в Букеевской орде, приобрела тот уклон, которого страшилось правительство. Официально называя жителей национальных окраин России «инородцами», царское правительство сознательно разжигало национальную рознь между народами, натравляя, их друг на друга, оно стремилось задушить всякое стремление национальной культуры, препятствовало созданию национальных школ, запрещало обучение детей «инородцев» на родном языке, проводя политику насильственного обучения нерусских национальностей русскому языку. В русско-казахских школах занятия для детей-казахов проходили только исключительно на русском языке, о чем свидетельствуют ряд письменных источников.

Проанализировав ряд источников, мы убедились, что в XIX – начале XX в. в казахских аулах Астраханской губернии массовых общеобразовательных школ как таковых не было. Образование казахов до середины XIX в. как указывают источники, находилось в руках ордынского духовенства. Сведений о первых открытиях мусульманских школ не сохранилось, и в этой связи можно заметить, что ордынские мектебе формировались, как и татарские, и в 1861 г. насчитывалось 55 мектебов и 1300 учащихся. Только изредка в некоторых аулах и поселках были так называемые мектебе, являвшиеся школой начальной грамоты. Однако такие школы были при мечетях, обучение в которых шло на религиозной основе. В аулах, где не было мечетей, мектебе открывались в частных помещениях. Стоит отметить, что в казахских аулах имелось мало мечетей, поэтому на казахов стали оказывать влияние астраханские татары, среди которых была сильна мусульманская религия. Как свидетельствуют архивные данные: «средства на постройку школьного помещения и на выплату заработной платы учителям-муллам собирали с родителей учащихся. Многие мектебе в аулах размещались летом в кибитках, а в зимнее время в землянках, ученики, как указывают на то источники, сидели на земляном полу, устланном кошмой или чаканной циновкой. Обучение начиналось с арабского алфавита. Основным учебным пособием была книжка «Иман-Шарт», которая содержала разные молитвы. Учились тогда дети зажиточных родителей, преимущественно мальчики, так как девочки-казашки не посещали школу ...» (ГААО, 64: 3).

Из выявленных источников мы наблюдаем, уменьшение количества мусульманских начальных школ после 1872 г., которая была связана с реакцией на «Положение 1870 г.» об инородческих школах, по которому в данных учебных заведениях должны были вводиться обязательное обучение русскому языку, хотя этого не приветствовали местные муллы.

Только 24 сентября 1878 г. астраханскому губернатору от председателя Временного управления ордой пришло заключение об Инструкции 1875 г, где отмечалось, что в Ханской ставке действует одна мечеть, и при ней работает мектебе. Председатель управления был несколько обеспокоен,

что согласно инструкции, к 1880 г. мектебе необходимо закрыть. Документ из астраханского архива, имеющий отношение к 1889 г., свидетельствует: «для государства одинаково важно, чтобы с поднятием в народе умственного уровня не падал уровень религиозный», что подтверждает наше предположение о недоминировании русификации Астраханской губернии (ГААО, 257: 38). Затем мы наблюдаем, что количество к 1882 г. возрастает, но к 1888 г. заметно снижается, почти в два раза. С 1895–1910 гг. мусульманских школ стало больше в 3,5 раза (Астраханские известия, 1999). На тенденцию уменьшения количества школ оказывали влияние следующие взаимосвязанные аспекты, такие как: во-первых, появление участковых, старшинских школ; во-вторых, влияние авторитетов султанов в принятии решения об обучении детей в государственных учебных заведениях.

В результате изучения источников мы обратили внимание на участковые и старшинские школы. Так, в 1861 г. председатель Временного Совета по управлению ордой В.Б. Герн ходатайствовал перед Казанским учебным округом об учреждении начальных школ при участковых управлениях, и по первоначальному проекту эти школы должны были быть устроены при каждом правителе. Также необходимо отметить, что с 1885 по 1895 гг. на благоустройство участковых школ было затрачено 42 764 рубля 28 копеек, из них 26 586 рублей были ассигнованы государством, а 16 118 рублей – казахскими обществами (ГААО, 275: 10).

Так в 70-90-е гг. XIX в. состояние учебного процесса в участковых школах Букеевской орды, согласно данным отчетов председателя Временного Совета, были на самом низком уровне. За два года обучения в среднем на школу приходилось 2-3 мальчика, которые читали на ломаном русском языке, не понимая при этом содержания прочитанного (ГААО, 275: 3).

Причины данного положения, которые также отмечаются авторами в некоторых периодических изданиях того времени:

- 1) отдаленность от центрального управления, вследствие чего школы находились в изоляции;
- 2) особенность кочевого образа жизни заключалась в том, что около пяти месяцев в году казахи проводили на кочевьях, и дети за этот срок забывали пройденное в начальной школе;
- 3) недостаточная подготовленность учителей казахских начальных школ. Вследствие низкого жалования, сложных жизненных условий специально подготовленные учителя в участковых школах работать отказывались (Астраханские известия, 1999).

Развитию народного образования в Астраханской губернии XIX – начала XX вв. посвятили свои кандидатские исследования Е.А. Тарабановская, научный сотрудник Астраханского государственного педагогического университета, а также Л.Е. Койшегулова, преподаватель Атырауского

государственного университета, и ряд других авторов. Работы были составлены на основе астраханских и других архивных документов. В своей работе Е.А. Тарабановская систематизирует и классифицирует архивные источники по развитию образования татар, калмыков и казахов в губернии, а работа Л.Е. Койшегуловой рассматривает степень образованности астраханских казахов в XIX – XX вв. (Тарабановская, 2001; Койшегулова, 2001).

Из ряда архивных материалов мы наблюдаем, что дети состоятельных родителей получали образование в русско-казахской школе, и перед ними открывалась возможность обучаться дальше, о чем также упоминается и в работе Л. Е. Койшегуловой. В начале XX в. в дельтовых районах выделялась школа муллы Баймухана, где учащиеся получали религиозное образование. Остро ощущалась нехватка учебных заведений, так как в среднем одна школа приходилась на 34–35 тыс. жителей. По этой причине образование основное население получало в семье, среди сверстников. Письменные источники отмечают также и то, что во всей Букеевской степи была лишь одна библиотека, в Ханской ставке.

Изучив и систематизировав ряд источников по данному вопросу, отметим, что библиотека при Временном Совете по Управлению Временной ордой была основана в 1888 г. Эта библиотека 1 января 1889 г. в своем фонде насчитывала 51 сочинение, книжные издания в 80 томах, а позже в ее хранилище поступило еще 84 сочинения, 163 книги и 31 экземпляр журналов, что отмечалось в отчетах членов Петровского общества исследователей Астраханского края. На приобретение этих изданий было выделено из «добровольного жертвования чиновника» 210 рублей 12 копеек, что освещается в деле «О прошении помещения учебного заведения киргизам» (ГААО, 257: 15).

Как уже ранее отмечалось, заслуги Джангира как отечественного мецената в области науки и отечественного образования были неоспоримы. Несмотря на все трудности, хан при жизни стремился создать собственную библиотеку, которой пользовались его многочисленная семья, родственники, гости и приближенные, идеи, которые нашли отражение в периодических изданиях различных научных учреждений. В доме у хана можно было найти такие периодические и печатные издания, как «Северная пчела», «Отечественные записки», «Современник», «Москвитянин», «Журнал Министерства Народного просвещения», «Русский инвалид», «Сенатские ведомости», Астраханские, Саратовские, Оренбургские «Губернские ведомости» (Астраханские известия, 188)

Таким образом, ранее сведения царских чиновников, представлявшие хана как «отрицательную личность», благодаря нашим находкам из фонда петровцев могут быть пересмотрены, а также стать прямым

доказательством позже представленных, современниками фактов, свидетельствующих обратное.

Из отдельных научных сочинений ханом выписывались такие труды, как «Архитектура XIX столетия (1838 г.)», «Шенкеля, с рисунками Буренина» стоимостью 45 рублей 1840 года, «Атлас или собрание карт всего земного шара Максимовича», приобретенный в 1838 г., «Подробный учебный атлас Российской империи» Проскурякова и Семенова, в 1840 г. было куплено за 3,5 рубля ассигнациями «Описание Отечественной войны» Михайло - Данилевского, в 1842 г. Баршева «Основания уголовного права», Н. В. Гоголя «Мертвые души» (Иванов, 1895: 4).

Идея хана построить мечеть в Ханской ставке по собственному проекту, воплощенная в реальность в 1835 г., отразилась на наличии в библиотеке изданий по архитектуре. Письмо ордынского профессора Казанского университета А.К. Казембека «об отправке в Ханскую ставку 2000 тиража на сумму 2599 рублей 50 копеек изданной восточной рукописи», свидетельствует о том, что он пополнял библиотеку различными изданиями, о чем упоминалось в работе Ф.И. Пленкина (ГААО, 355: 5).

Если вернуться к вопросу об образовании, то в целом в Букеевской орде существовала следующая система:

- а) аульская школа—школа первоначального обучения, время обучения – 2–3 гг.;
- б) одноклассные русско-казахские школы, а также русско-туземные училища для мальчиков, девочек и совместного обучения с 4-летним курсом;
- в) двухклассные русско-казахские училища, мужские и женские, с 6-летним сроком обучения.

В материалах Тарабановской, упоминается об отдельных представителях казахской молодежи, которые обучались в профессиональных, а также в сельскохозяйственных учебных заведениях, в состав, которого входили низшие сельскохозяйственные школы, лесные училища, училища садоводов, школы молочного хозяйства, ремесленные, педагогические училища (Тарабановская, 2001: 89).

Безусловно, хан Внутренней орды внес неоценимый вклад в дело просвещения казахского народа. Также в них делается упор на то, что Джангир-хан, являясь одаренной личностью, поражал своих современников умением сочетать азиатский и европейский стили. Он стремился создать особый духовный микроклимат для своей многочисленной семьи и свиты.

Ф.И. Пленкин, отмечает: «Будучи сам образованным человеком, Джангир стремился водворить образование и во Внутренней орде. С этой целью

он не только содействовал обучению киргизских детей в Оренбургском Неплюевском училище, но и впоследствии открыл в орде училище на свои средства» (Отчет, 1894: 8). В целом можно сказать, что казахи не ограничивались начальным и даже средним образованием, а получили бы и высшее образование. Об это свидетельствует, ходатайство от 1839 г.: Джангир хан ходатайствовал перед императором о разрешении помещать детей киргизов в высшее учебное заведение. Через два года он обратился с письмом к советнику и родоправителю Чуку Нуралиеву, в котором старался разъяснить пользу и значение образования для казахов: «По всеподданнейшему прошению нашему Государь Император кроме Неплюевского училища, разрешил принять детей киргиз в институты – лесной, корпуса путей сообщения и в училище гражданских инженеров» (Отчет, 1894: 8).

В 40-е г. XIX в. некоторые зажиточные казахи стали посылать своих детей для получения образования в г. Астрахань. Однако, несмотря на привлекаемое расстояние, близкое соседство с центром Астраханской губернии не оказало должного влияния на просвещение казахов, так как не обладала в то время прогрессивным развитием. Также если учесть, что с севера Орда граничила с Новоузенским уездом; с юга – с приморскими рыболовными промыслами князя Юсупова и графа Безбородко-Кушелева, то, очевидно, и это не несло в себе развивающего характера. Единственным источником в развитии просвещения, по мнению хана, было обучение детей в г. Оренбурге, где располагался Неплюевский кадетский корпус, в который на азиатское отделение принимали 10 мальчиков на второй эскадрон. Торможением в получении образования у казахов, прежде всего, было их недоверие к намерениям хана. Этому свидетельствуют статистические сведения: «... против этого восставали матери, которые из-за жесткости, применяемой мусульманскими муллами при обучении их детей, считали, что русский мулла может совсем заморить их детей ...» (ГААО, 778, 17 об). В качестве примера хан отправил своих сыновей в г. Оренбург: «одного для воспитания в Пражский корпус в Петербург, другого в Оренбургский кадетский корпус во главе 9 мальчиков.... Все отъезжающие в Оренбург воспитывались в свое время в джангировской школе, которая считалась подготовительным классом при поступлении в Кадетский корпус...», что нашло отражение в деле о «Представлении казенно-штатных стипендий детям киргизов Внутренней киргизской орды» (ГААО, 335: 5).

Рассматривая степень образования казахов Орды, члены Петровского общества отмечали о степени образованности ханского двора. Например, И.С. Иванов упоминал о заметках профессора Дерптского университета Гебеля, который писал о составе ханской семьи: «в 1834 г. у хана было две жены, и от обеих было 11 детей, в том числе 7 мальчиков. В свою бытность в 1844 г. хан пригласил для образования детей англичанина Холла в домашние учителя, а его жену – в

гувернантки. Степной правитель расходовал огромные суммы денег на содержание гувернеров для воспитания своих детей» (Иванов, 1895: 20).

Значительное влияние на степного правителя оказали: титулярный советник В. Раевский – правитель русской канцелярии, профессор Казанского университета К. Фукс, с которым был знаком на пути из Москвы в Казань, а также Г.С. Карелин, состоявший при хане с 1831–1838 гг.

Письменные источники освещают также и знакомство Джангир-хана с.С. Карелиным. Материалы отмечают, что в 1828 г. хан отдал на воспитание Г.С. Карелину своего сына Зюлькарнея, оплачивая его труд в размере 4000 рублей в год. При разборе архивных документов мы наблюдаем, как глубоко Джангир-хан дорожил дружескими отношениями с профессором К.Фуксом. О чем, в свою очередь, свидетельствует заметка на страницах «Казанского вестника» 1826 г. «О пребывании хана в Казани», который, посетив Казанский университет, отметил: « ... Очень бы желал, чтоб мои сыновья, когда придут в настоящий возраст, могли бы воспитываться в этом Университете. Я намерен с сею целью прислать некоторых своих родственников, которые учатся теперь в Оренбурге у директора таможи гражданина Генца. Пришло время, чтобы и наши киргизы чему-нибудь научились и вышли из дикого состояния. Я хочу сделать тому начало открытием училища ...» (Фукс, 1826: 209).

Систематизируя наличие архивных документов относительно этого вопроса, мы не можем не отметить намерение хана открыть училище в Ханской ставке, что осуществляется в декабре 1841 года. Отчеты и отношения, представленные различными обществами и учреждениями, указывают, что на разработку данного проекта им было потрачено немало сил и денежных средств. Благодаря этому событию среди казахов был проложен путь к начальному освоению русского образования. Содержание источников упоминает о том, что в нем находилось два класса с общей численностью 25 учеников, 7 из которых жили при школе, 18 были вольноприходящими.

В 1846 г. в Ставочной школе преподавались такие предметы, как татарский, арабский, русский языки, начальные правила арифметики грамматики, в кратком виде география и история, правила оспопрививания. Отметим, что учебный год начинался тогда 6 декабря. К тому времени насчитывалось 19 учеников, 3 учителя. А.Е. Алекторов в «Астраханском листке» публикует заметку «Букварь для киргизов», где отмечает следующее: « ... Обучение письму велось по родному слову Ушинского или по книжкам Бунакова, Паульсона, Корфа, Тихомирова, Вольпера и были приемлемы лишь только для русского населения и не приемлемы для инородцев западного края, из-за наличия в них слов на латинском и греческом языке...», при этом делая основной акцент на безграмотность казахского населения (Алекторов, 1892).

Три раза в год Джангир-хану на просмотр предоставлялись списки учеников с отметками об успехах в разных отраслях науки, что также упоминается в различных отчетах, представленных военному губернатору губернии. В 1843 г. в начале учебного года были приглашены к хану султаны, бии, старшины и другие почтенные представители Орды, с целью вступления казахских детей в новый учебный год. Как отмечает И.Ф. Пленкин по этому вопросу: «В 10 часов утра прибывшие из кочевий собрались в залах его дома для поздравления хана с тезоименитством его Августейшего покровителя, затем собравшиеся были приглашены в училище для присутствия при испытании его учеников» (Алекторов, 1892: 9).

По заметкам И.С. Иванова, испытание начиналось с «магометанского законопоучения и азиатских языков», затем ученикам предлагалось продемонстрировать знания по русскому языку, русской грамматике, арифметике и показать понимание общих понятий по истории и географии. Ответы детей, в особенности 11-летнего Ибрагима, сына хана Джангира, по всем предметам «русского преподавания» были удовлетворительные. Отцы и родственники учеников, собравшиеся на этом испытании, «выказывали совершенную радость и признательность» за успехи своих детей». При жизни Джангира школа содержалась почти всецело на его собственные средства, о чем упоминается и в других источниках (Иванов, 1895: 79).

С 22 марта 1848 г., как свидетельствуют источники: «по высочайшему повелению на школу при Ханской ставке отпускалось из Государственного казначейства по 1404 рублей в год. В ней полагалось два учителя: русский и киргах. Обучением русскому языку в 1853 году из-за отсутствия учителя занимался ветеринарный врач Временного управления Букеевской ордой Ольдекоп, а с 1860 г. чиновник Совета», в основном это ярко выражено в заметках А.Е. Алекторова в «Астраханском листке» (Алекторов, 1892: 9).

Отметим, что в начале XIX в. вся территория России была разделена на шесть округов. Астраханский край, в состав которого входила Внутренняя орда, относился Казанскому учебному округу, все учебные заведения которого подчинялись Казанскому университету, что также было отмечено в «Сборнике постановлений министерства народного просвещения» (Об утверждении, 1864: 20).

На страницах «Астраханского листка» в 1892 г. было опубликовано письмо попечителя Казанского учебного округа М.Н. Мусина-Пушкина Совету Казанского университета. Здесь сообщалось о том, что 19 июля 1844 г. хан Джангир вошел в число почетных членов Казанского университета, и 29 ноября этого же года правитель Букеевской орды отправляет ответное письмо с благодарностью проректору Ф.И. Эрдману. Джангир-хан в своем письме пишет: «... совершенно готов быть полезным университету соответственно новому моему званию, и

мне весьма желательно было бы иметь список тех сочинений на арабском, персидском и турецком языках, которые интересны для восточного отделения университета. Нынешнею зимою я полагаю войти в сношение с бухарцами о доставлении мне из Бухары научных рукописей и старинных азиатских монет ...», его желание и стремление стать почетным членом университета отмечалось в ряде других источников (Астраханский листок, 1892).

Карл Фукс на страницах «Казанского вестника» отмечал, что «Джангирхан как истинный меценат не скупился на научные изыскания и предоставлял все условия для исследовательской деятельности. Хан Внутренней орды сам активно участвовал в исследованиях «по восточной части», и поэтому Казанский Университет, оценив его знания и полезные содействия в области науки, избрал хана Почетным членом. Джангир не только дорожил этим званием, но даже гордился им. Об этом свидетельствует тот факт, что дарованное ему звание, так называемый патент, хан поместил в позолоченную раму и хранил в гостиной своего дворца, подобное упоминается и на страницах периодической печати того периода, также это отмечается и в числе документов современного фундаментального труда «История Букеевской орды» (История Букеевского ханства, 2002: 211).

Источники свидетельствуют, что в 1861 г. на страницах Петербургского издания была опубликована статья казахского этнографа, члена Петровского общества Муххамед-Салыха Бабаджанова под названием «Заметки киргиза о киргизах». Этот документ освещает реформаторскую деятельность хана Джангира и духовной жизни казахов Букеевского ханства, где автор статьи сам являлся очевидцем происходивших перемен в Орде (ГААО, 90: 10).

В своих заметках М. Бабаджанов писал: «... со времени перехода на эту сторону Урала, у нас стали понимать, что письмо в иных случаях могущественнее словесного выражения желания». На страницах казанского издания было отмечено, что силу грамотности население стало понимать тогда, когда хан получал какие-либо письменные известия. Так как население считало, что в них таится какая-либо новость. Здесь делался акцент на то, что и их способен понять только грамотный человек, приближенный к ханской свите, который пользовался особым почетом. Кроме всего прочего стали появляться среди казахов татары-муллы, проповедовавшие магометанскую религию. Муллы как учителя правоверия пользовались почетом, и вследствие этого считали, «что человек, владеющий грамотой, пользуется большим почетом. В результате казахи стали приглашать к себе мулл в качестве домашних учителей. Об обучении русской грамоте тогда еще не говорили», что отмечалось также в этом же издании (Историческая записка, 1902: 101). Как свидетельствуют источники, чтобы заинтересовать неграмотное население, хан не жалел денег и собственного старания, поощрял учеников и обучающихся. Отличие хана в

том, что он с особенной милостью отмечал людей, обретающих знание, занимающихся торговлей ... Муллы при нем получали звание указных мулл, были освобождены от подати со скота и не подвергались телесному наказанию.

Пользуясь покровительством ханши Фатимы, в орду съезжалось все больше татаров. Это способствовало быстрому распространению «татарской грамоты» в Орде, а вместе с тем и распространение мусульманского фанатизма, писал А.Е. Алекторов в своем кратком историческом очерке. И самым лучшим, единственным и вполне надежным средством к пресечению распространения между киргизами зла в мулдинских школах могло быть распространение школ Министерства народного просвещения (Астраханские губернские ведомости, 1890).

Как и следовало ожидать, дело не остановилось только на одной Ставочной школе. Об этом свидетельствует документ 1866 г., утвержденный Государственным советом, «Об учреждении при участковых управлениях Внутренней Киргизской орды семи первоначальных школ грамотности для киргизских детей». Эти школы, как правило, имели свой устав и свои правила:

- 1) штат каждой школы ограничить 25 воспитанниками с одним для них учителем, который вместе с тем был смотрителем школы;
- 2) принимать в школу всех желающих независимо от возраста, принадлежности и состояния, до тех пор, пока не наберется определенная группа. Право выбора помещения для школ предоставлялось ордынцам, состоящим на службе по степному управлению;
- 3) курс учения в этих школах ограничить чтением и письмом на киргизском и русском языках;
- 4) способ обучения принять, применяя ланкастерский метод, то есть, опираясь на помощь старших и более успевающих в учебе;
- 5) срок пребывания в школе не определять, но дольше четырех лет по окончании курса воспитанников не держать;
- 6) все 25 воспитанников из киргиз должны находиться на полном содержании казны, получая помещение с отоплением, пищу и постель, а неимущие помимо этого должны были обеспечиваться еще и одеждой;
- 7) кроме воспитанников из числа киргиз, в школе обучались и дети русских переселенцев в качестве проходящих, о чем упоминал в своих исследованиях Ф.И. Пленкин, однако некоторые из моментов нашли отражение на страницах научных трудов казахстанских ученых XX в., которые также опирались на материалы Астраханского архива (Историческая записка, 1902).

Судя по представленным источникам, можно предположить о том, что все новшества вводились для улучшения образовательной деятельности, как в крае, так и на территории Внутренней орды.

Несмотря на то, что школы орды находились под введением Временного Совета, эти учебные заведения находились в плачевном состоянии, в первую очередь из-за отсутствия в них компетентных лиц, владеющих организаторскими способностями и преподавательским мастерством. Наконец, на страницах периодической печати с особым пиететом успели отметить: «... 26 апреля 1878 г. с Высочайшего разрешения для заведования школами Внутренней орды был назначен особый инспектор народных училищ, который, подчиняясь его превосходительству гражданину попечителю Оренбургского учебного округа. Он обязан, насколько это возможно среди населения Орды, руководствоваться общими правилами для директоров и инспекторов народных училищ» (Историческая записка, 1902).

Благодаря этим нововведениям состояние образовательных школ стало приобретать все более серьезный характер, что объяснялось значительным увеличением с каждым годом притока обучающихся в ордынские школы. Наряду с этими преобразованиями отношения казахского и русского населения стали носить более снисходительный характер, что явилось одним из связывающих звеньев между этими народами. На этом основании школы Внутренней орды имели право на материальную поддержку государством в размере 11 069 рублей и на помощь местной администрации.

Относительно сельских училищ (Никольское и Жамбайское) известно, что они находились в исключительных условиях, так как на них в главную очередь влияло их месторасположение. Вот как освещается подобный вопрос на страницах «Памятной книжки ... за 1889 г.»: «... оно находилось у северного побережья Каспийского моря, в 170 верстах от Астрахани, и никак не было связано с главным центром края. Все эти школы можно было проехать только на вольном найме у рыбопромышленников, так как общее протяжение всех школьных линий в пределах Астраханской губернии доходят до 2093 верст ...» (Харузин, 1889: 5).

В 1891 г. школа при Ханской ставке отпраздновала свое пятидесятилетие, через которую прошло несколько поколений. Около 2000 детей получили базовый курс русской грамоты и более 250 человек прошли полный курс обучения. К этому времени в Букеевской орде насчитывалось уже около 160 медресе и мектебе, численность которых мы можем по возможности проследить из статистических данных (ГААО, 514: 18-19 об.).

В 1894 г. в ставке султана Бек-Мухаммеда во Внутренней орде, в поселке Большое Ганюшкино Красноярского уезда, было открыто двухклассное русско-казахское училище. Как утверждают архивные

источники, этому событию предшествовала довольно обширная переписка между чиновниками Министерства государственных имуществ и Временного Совета по управлению Киргизской (Казахской – Ш.Г.) Ордой. Эта переписка длилась с 1891–1894 гг., что еще раз подтверждало данное положение о возросшей потребности казахского населения в русско-казахских начальных учебных заведениях и неготовность правительства удовлетворить эту потребность.

На основе проанализированных нами источников мы можем сделать вывод, что образовательного ценза при приеме в учебное заведение не было, так как в 1895 г. сюда поступали и неграмотные девочки.

В отчете инспектора А.А. Воскресенского рассказ о поступлении в училище Х. Байтуаровой позволяет сделать вывод о том, что при наборе в училище решающее значение имел индивидуальный подход к каждому абитуриенту и субъективное мнение их родителей. Это подтверждает гипотезу об отсутствии в данный период процесса насильственной русификации в Астраханской губернии, что отмечает в своей работе и Е. А. Тарабановская (Тарабановская, 2001: 98).

После значительных нововведений в сфере образования в Букеевской орде выходит заметка А.Е. Алекторова в газете «Астраханский листок», где автором отмечается статья И.Н. Смирнова «Обучение инородцев и задачи обрусительной политики», опубликованная на страницах «Исторического вестника». Автор ссылался на то, что в области обучения необходимо было ввести западные стили (немецкий, галлийско-польские и т. д.), отрицая тем самым значение русской школы в инородческой среде, от которой, по их мнению, ничего хорошего и не ожидали: «Прусские образцы здесь ни при чем, и напрасно думает И. Смирнов, что здесь необходимо вводить прусские образцы... Например, киргизы (казахи – Ш.Г.) Киргизской орды, для которых открыто пока только 10 начальных училищ, принадлежат к поклонникам Магомета по суннитскому толку. До вступления в управление ордой Джангира Букеева киргизы ...были плохими верующими. При помощи мулл и ходжей хан начал знакомить киргиз с исламом, что усугубляло отношение ордынцев между христианским населением» (Астраханские губернские ведомости, 1890).

Через четыре года, в 1882 г., после многочисленных преобразований казахи перестали принимать русских как миссионеров и начали отдавать своих детей в школы Министерства народного просвещения. Проследив этап формирования народного образования в казахской степи, мы можем заметить, что волна перемен прошла как по Уральской, Тургайской, так и по другим областям, где население ощущало недостаток русско-киргизских (русско-казахских – Ш.Г.) школ. Эти и другие моменты некоторым образом затрагиваются в кандидатской диссертации И.Р. Хамитовой [103]. Исследователь А.Е. Алекторов по этому поводу писал: «... если бы русские покорили киргизов русскими

школами раньше, процесс обрусения был бы прочнее. Школа подготовила бы почву для воплощения христианской идеи в жизнь» (Астраханский листок, 1892). Так, последнее обстоятельство подтверждает выдвигаемое нами положение об отсутствии насильственной русификации казахского населения Астраханской губернии в середине XIX– начале XX в.

Источники ежегодного финансирования и характер расходования средств на каждый из видов учебных заведений иллюстрируется данными из инспекторских отчетов 1890–1898 гг., заключенных в статистических материалах.

На основе проанализированных источников: в 1883 г. была открыта первая в истории Астраханской губернии женская школа по программе одноклассного сельского училища с интернатом на 20 казахских и русских девушек, получивших элементарное начальное обучение. Из ведомости «О состоянии народных и сельских училищ во Внутренней Киргизской Орде» за 1894 г. известно, что в 1883–1895 гг. количество учебных заведений при Министерстве народного просвещения составляло 9 русско-киргизских (русско-казахских – Ш.Г.) училищ: «Двуклассные: 1) в Ханской ставке; 2) Большое Ганюшкинское; Одноклассные: 3) Калмыцкое; 4) Камыш-Самарское; 5) Нарынское; 6) Таловское; 7) Торгунское; 8) женское; 9) мектебе с русским классом в Ханской ставке.

По национальному составу учителей из русских было тринадцать, два киргиза, один татарин. По образовательному цензу один закончил духовную семинарию, семеро получили специальную педагогическую подготовку, два учителя приобрели право преподавания, два из епархиального училища; что касается магометанских вероучителей, то один из Казанского медресе, другой из одноклассного русско-киргизского училища, и еще один из Астраханского реального училища. ... По сравнению с прошлым годом в 1895 г. возросло количество учащихся на 47 человек, особенно это отразилось на учащихся среди девочек в возрасте от 8 до 12 лет, так как школа для девочек была открыта в 1883 году» (ГААО, 3200: 75–76). Из отчета инспектора русско-киргизских (русско-казахских – Ш.Г.) школ в Букеевской орды А. Воскресенского известно, что Председатель Временного Совета В.М. Лазаревский отмечал относительно дисциплины и успеваемости обучающихся в этих школах девочек следующее: «... Все девочки учатся замечательно прилежно, достигли замечательных успехов в учебе, дисциплинированные. Через 5-7 лет они станут матерями ... » (Из истории движения, 1967: 79).

По наблюдениям исследователя Петровского общества, выпускники Ханско-Ставочного двухклассного училища направлялись в Казанскую учительскую семинарию на звание учителя, «и если возможно, немного познакомиться с методами преподавания» (ГААО, с. 17–32). Калмыцкое

издание также отмечает, что с 1896 до 1906 года в этом учебном заведении успели получить специальное свидетельство 16 казахов, выходцы из Букеевской орды Астраханской губернии. Однако, несмотря на реформу, которая проводилась во благо улучшения учебного процесса в некоторых школах Орды, все же поистине безотрадным было положение учителей-иностранцев. В фонде «Астраханского реального училища» содержится прошение инспектору народных училищ Внутренней Киргизской орды от 15 апреля 1911 г. один из просветителей Орды того времени, С. Мендешев, отмечает: «...Туземные учителя никакими правами и преимуществами не пользуются, а русские учителя, то есть обучающие на русском языке, пользуются служебными правами и правами на пенсию единовременное пособие без различия национальности и вероисповедания» (ГААО, 3200:10-11).

Сам С. Мендешев был родом из Камыш-Самарского уезда Букеевской губернии (ныне Жангалинский район Западно-Казахстанской области), получил первоначальное образование у татарских мулл, затем в течение 5 лет в русско-казахской школе, что отмечается на страницах сборника «Россия и Восток» в статье Г.Т. Курмангазиевой. В 1909 г. поступает в Казанскую учительскую семинарию, данные, о чем были извлечены автором из фонда Центрального государственного архива РК. Также здесь отмечается, что он остро ощущал накаливающуюся обстановку в России во время поездки в Петербург. Его очень волновало состояние образования в учебных заведениях западных регионов Казахстана, в том числе в школах Букеевской орды (Курмангазиева, 2005: 51–52).

Таким образом, можно сказать, что народное образование в степи получало своеобразную популярность. Что наблюдается по многочисленным свидетельствам очевидцев XIX века. Имеются очень важные заметки и материалы, обнаруженные из фондов Государственного архива Татарстана.

Так, согласно отчетам инспекторов народных училищ, за 1900–1913 гг. во Внутренней орде дело по доставке учебников, учебных пособий, принадлежности и мебели начальным русско-казахским школам было организовано плохо. В ряде дел, извлеченных из фонда «Астраханская городская палата государственных имуществ», отмечается в первую очередь обширность территории (ГААО, 943: 50).

В 1891 г. как пишет А.Е. Алекторов, в свет выходит книга для воспитанников школ изданная в г. Казани: «... по распоряжению г.военного губернатора в 1891 г. была составлена им азбука для детей киргизов (казахов – Ш.Г.) «К мудрости ступенька» на средства школьного фонда Тургайской области, а в 1892 г. «Букварь для киргизов», «Жазуга уйретенин кнеге» неизвестного автора, с которого сделал множество переводов с киргизского на русский...» (Об учреждении учебных округов, 1864).

Благодаря всем преобразованиям, проходившим в Букеевской орде, председатель Временного Совета по управлению Внутренней ордой отправляет 28 сентября 1890 г. председателю Астраханского статистического губернского комитета прошение «о позволении» выпуска краткого историко-статистического очерка о Внутренней Киргизской орде за отсутствием некоторых важных сведений и ее необходимости. Спустя месяц действительный член Статкомитета И. Иванов сообщает о завершении работы над трудом «Краткий историко-статистический очерк Внутренней киргизской орды», а 17 октября он оповещает, что данный очерк должен быть опубликован как приложение к «Памятной книжке Астраханской области на 1891 г.». Один из экземпляров которого должен находиться в библиотеке Орды. Это нашло отражение в документе о «Сведениях об ассигновании Астраханского губернского статистического комитета» (ГААО, 943: 350–353, 358; 523). В 1889 г. при издании того же статкомитета в «Приложении к Памятной книжке...» содержится путеводитель под названием «Дорожник Астраханской губернии», которая содержит в себе описание Внутренней орды (ГААО, 943: 355).

Список литературы и источников:

Астраханские известия. О книгах, сданных в библиотеку Петровского общества. 1999. № 43 (ноябрь). – 4 с.

Алекторов А.Е. Букварь для киргизов. Казань, 1892. // Астраханский листок. 1892. 18 ноября. № 250. – 4 с.

Алекторов А.Е. Внутренняя Букеевская орда // Астраханский листок. 1892 (ноябрь). № 44. – 4 с.

Астраханский листок. 1892. 28 ноября. № 258. – 5 с.

Астраханские губернские ведомости. 1890. 20 октября. – 6 с.

Астраханский листок, 1892. 18 ноября. № 207. – 5 с

ГААО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 943. Л. 338.

111 ГААО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 523. Л. 25.

ГААО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 778. Л. 8.

ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 514. Л. 26.

ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 321. Л. 42.

ГААО. Ф. 291. Оп. 1. Д. 64. Л. 63.

ГААО. Ф. 291. Оп. 1. Д. 141. Л. 17.

ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 257. Л. 90.

ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 335. Л. 19.

ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 90. Л. 115.

ГААО. Ф. 13. Оп. 10. Д. 3200. Л. 52.

ГАО. Ф. 291. Оп. 3. Д. 2. Л. 12.

Иванов И.С. Джангир – хан Внутренней киргизской орды. – Астрахань, 1895. 336 с.;

Историческая записка об Астраханском реальном училище за 25 лет его существования (1877–1902). – Казань, 1902. 124 с.

Из истории движения за национальную школу в Калмыкии // Сб. документов и материалов. – Элиста, 1967. 355 с.

История Букеевского ханства (1801–1852 гг.). Сб. док. и материалов. Сост. Б.Т. Жанаев, В.А. Иночкин, С.Х. Сагнаева. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – 999 с.

Койшыгулова Л.Е. Народное образование казахов Астраханской области. Атырау, 2004. 157 с.

Курмангазиева Г.Т. Роль педагогических взглядов Сейтгали Мендешева в развитии сети национальных школ Астраханской области // Материалы III международной конференции «Россия и Восток». – Астрахань, 2005. – 418 с.

Об учреждении учебных округов. Сборник постановлений министерства народного просвещения. Т. 1. СПб., 1864. – 20 с.

Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1892 г. – Астрахань, 1894. – 24 с.

Статистический обзор Астраханской губернии за 1903 г. – Астрахань, 1904. – 100 с.

Миссионерский сборник о калмыках и киргизах, кочующих в Астраханской губернии. – Астрахань, 1910. – 306 с.

Тарабановская Е.А. Развитие образования татар, калмыков, казахов в Астраханской губернии в XIX – начале XX вв.: дисс...канд. пед. наук. – Астрахань, 2001. – 208 с.

Фукс Карл. Пребывание в Казани Киргизского хана Джеань – Гирея. // Казанский вестник; изд. при Императорском Казанском Университете. Ч. 18. – Казань, 1826. 96 с.

Харузин А. Киргизы Букеевской орды. Вып. I. – Москва, 1889. – 118 с.

Г.А. Шотанова¹, Е.М. Ужкенов², А.А.

Ермекбаев³. ¹К.и.н., ВНС. ²К.и.н., ВНС.

Здоктор PhD, КазНУ им. аль-Фараби.